

Андрей Белянин

Летучий корабль

Тайный сыск царя Гороха

Андрей Белянин
Летучий корабль

«Автор»

2000

Белянин А. О.

Летучий корабль / А. О. Белянин — «Автор», 2000 — (Тайный сыск царя Гороха)

Никита Ивашов – младший лейтенант милиции – по-прежнему служит сыскным воеводой при царе Горохе. И вот новое дело, расследуя которое он не должен уронить авторитет классного опера. Итак, у царя Гороха из секретного сундука похищены чертежи летучего корабля. Все ниточки следствия рвутся умелой и жестокой рукой. Бояре злорадствуют и формируют альтернативные комиссии по розыску и поимке. Никите и его сотрудникам – эксперту Бабе Яге и доброму, но дубоватому помощнику Митьке – предстоит провести трудные и опасные розыскные мероприятия, чтобы найти похитителей чертежей и защитить честь милицейского мундира.

Андрей Беянин

Летучий корабль

...Петушиный крик раздался как-то осторожно и приглушенно. Я уже полчаса сидел у подоконника в трусах и майке, держа под рукой два вязаных тапочка на манер австралийских бумерангов. И он, гад, знал, что я сижу в засаде... Поэтому на тын взлететь опасался, а из-за тына кукареканье не получалось таким уж душевно-забористым. Наконец он вытянул шею – ненавистная башка со свисающим набок гребешком показалась в поле моего зрения.

– Ку-ка-а-уп! – Тапок просвистел в миллиметре от распахнутого клюва.

Пернатый злодей вновь нырнул в укрытие, явно готовя повторную диверсию. Выбора нет – или я его выдрессирую, или он меня своими побудками доведет до членовредительства. За забором раздалось неуверенное кудахтанье и какая-то возня. Я выпрямился в полный рост, размахнулся от плеча и... Когда из-за тына поднялся доверчиво улыбающийся Митька с петухом в руках – метко брошенный тапок угодил ему прямо в лоб! Наглый петух мгновенно вырвался на свободу и, вспорхнув на забор, обложил своим кукареканьем нас обоих как хотел...

Утро началось несахарно...

– Никитушка, ты, что ли, встал уже, сокол ясный?

Это Яга, моя домохозяйка, одновременно и кухарка, и прачка, и уборщица, и штатный специалист, – эксперт по части криминалистики. Бабуля – бесценна, она старейший и уважаемый сотрудник нашего отделения, мы на нее Богу молимся. Снизу из-за забора вновь высунулся Митька, приветственно помахивая мне двумя подобранными тапками. Дмитрий Лобов, двухаршинный улыбчивый паренек, приставленный к отделению из соображений воспитательного плана. У себя в Подберезовке он оказался абсолютно неприспособлен к размеренному крестьянскому труду по причине немереной силы, недалекого ума и неиссякаемого творческого энтузиазма. Лично я его раз десять увольнял... Яга заступалась, лоботрясы брали обратно с очередным испытательным сроком, в конце концов он у нас так и прижился. Ну а я, младший лейтенант московской милиции Никита Ивашов, как вы понимаете, осуществляю в родном Лукошкине функции начальника отделения. Почему родном? Знаете, я здесь уже полгода и первое время только и думал, как вернуться обратно в свой мир. Не то чтобы здесь так уж плохо... Милицейская служба востребована во все времена, даже при царе Горохе, тем более что царь у нас деятельный и работать при нем интересно. Но домой все же тянуло страшно. Потом одно дело, второе, третье, кражи мелкие, профилактические операции, общественно-разъяснительная деятельность, как-то отвлекся... А уж когда ухнуло памятное дело о перстне с хризопразом – тогда и стало ясно, где моя настоящая родина. Не в далекой, затерянной в будущем коммерческой Москве конца двадцатого столетия, а в небольшом городке Лукошкино, в древней полусказочной Руси, где простому народу без защиты родной милиции ну никак...

– Доброе утро, бабушка! – К завтраку я обычно спускался вниз в горницу при полном параде, только что без фуражки и кителя. В праздничных кафтанах того времени я и чувствовал себя неуютно и выглядел как Иван – кулацкий сын.

– Доброе утро, Никитушка, – приветливо улыбнулась Яга. Выпирающие желтые клыки делали ее оскал особенно запоминающимся. – А я уж сама наверх идти хотела, тебя будить. Давай-ка к столу, пока кашка гречневая на молоке да меде остыть не успела.

– Уже сел, а вы что ж?

– Да я-то старуха, я запахами из печи сыта бываю... А ты садись – кушай, моего слова слушай. Буду говорить речи важные, неказенные, небумажные. Только ты ешь-наедайся, а моего совета не чурайся...

– Бабуля, да вы ж тут прямо стихами и чешете! – искренне удивился я. – У нас что, сегодня утренник народного фольклора?

– Не сбивай, Никита! О серьезном деле с тобой говорю, потому и слова такие. Не всякому зверю берлога – кому и нора, не всякой птице болото – кому и гора. Так и не всякому молодцу – холостяцтво к лицу.

– Ум... н... упс! – Я едва не поперхнулся горячей кашей. – Бабуля, предупреждать же надо!

– А поделом тебе, ешь да не оговаривайся! – невозмутимо продолжала Яга, уставясь на меня самым строгим взглядом. – Сказано ведь, ровно голубю – без голубицы, добру коню – без кобылицы, так и храброму молодцу без души-девицы не житье – срам один!

– Между прочим, в законодательстве некоторых стран подобные провокационные разговоры могут классифицироваться как давление на сотрудника правоохранительных органов.

– Никитушка, милый, да не давлю я на тебя, не давлю! А только люди говорят всякое... Дескать, что-то, видать, не так у нашего участкового – в церковь не ходит, на красных девок не заглядывается, с дружками не бражничают, по праздникам забавами молодецкими не тешится.

– Знаю я их забавы – кулачные бои стенка на стенку да за сапогами на столб лазить! Бабуль, ну вы представляете, чтоб работник милиции ради забавы молодецкой по воскресеньям народу носы квасил?! И в церковь я хожу! Два раза ходил уже... Беседовал с отцом Кондратом по поводу пьянок в его церковном хоре. А насчет бражничанья... так нас Горох на той неделе, помните, как накачал? Я ж верхом на Митьке до отделения добирался, благо, он как поддаст – милицейскую сирену очень уж старательно изображает. Чем я им еще не угодил?

– Про девок красных забыл...

– Это сестры Малаховы с соседней улицы? Эти – красные, слов нет! Каждый вечер флагируют строем под окнами отделения, семечки плюют на метр против ветра, а у самих лица такие кра-а-асные...

– Так то румянец девичий, от смущения, – доходчиво пояснила Яга, но я был непреклонен:

– Бабуля, давайте прекратим прения и дружно перейдем к чаю. Вопросом повального поиска Василис Прекрасных торжественно обещаю заняться после Нового года!

– Дак ить осень на носу, самое бы время свадебку... – тихо повздыхала моя домохозяйка, но взялась за самовар. К концу третьей чашки в дверь деликатно бухнули пудовым кулаком.

– Батюшка сыскной воевода, гонцы к вам царевы с делом спешным! – деловым тоном профессионального секретаря проорал из сеней верный Митька.

– Зови. – Важно кивнув Бабе Яге, я встал с лавки поприветствовать двух стрельцов и молоденького дьяка из думского приказа. Парнишке едва ли исполнилось восемнадцать, но он изо всех сил старался выглядеть посолиднее.

– Поклон тебе, сыскной воевода!

– И вам здравствуйте. Что там у государя за проблемы?

– Дело у царя к тебе спешное да неотложное...

– Ага, у нас все дела спешные... – Идти куда-либо сразу после плотного завтрака представлялось сущим самоистязанием. – Государь небось опять очередной милашке золотые серьги подарил, а какой – не помнит, просит отыскать, да?

Стрельцы ухмыльнулись в усы, а юный дьяк так покраснел, что я, сжалившись, выдвинул более пристойную версию:

– Любимого коня цыгане свистнули? Бояре в думе из-за бюджета передрались? Ключница пропала, к подвалам не подойдешь, а у государя меда сорокаградусного для излечения

не хватило? Тоже нет?! Господи, да что же там у вас?.. Неужели дьяк Филимон свои мемуары за границей большим тиражом выпустил, гад?!

– Не... не это... – сбивчиво залепетал несчастный. – Царь-батюшка наш прибыть во дворец просит немедленно. Дело у него тайное, военное... И спешное-е-е...

– А милиция-то здесь при чем?

– Никитушка, – тихо вмешалась Яга, – уж ты не мучай мальчонку, сделай милость – сходи. Ты ж Гороха знаешь: сей же час не придешь – он посыльных под кнут отправит. В отделении на утро вроде и дел-то нет, а ежели что, я уж тут присмотрю. Сходи, уважь старуху, не пожалей сапог. А хошь, я Митьке крикну, чтоб кобылу запрягал?

Я пожал плечами: в конце концов, почему бы и нет? К царю идти в любом случае придется. После разгрома Черной Мессы Горох оценил мои дипломатические способности и теперь частенько советовался по разным вопросам государственной политики. Не знаю уж, чего у него там «спешного-военного», но прокатиться в телеге по ветерку в принципе не так уж проблемно.

– Ладно, ребята. Возвращайтесь к начальству с чувством выполненного долга. Я буду следом, минут через пятнадцать. Оркестр к подъезду можете не подавать.

Кто бы знал, к каким серьезным последствиям приведет меня это дело... А начиналось все, как видите, буднично...

Конец августа. Еще очень тепло, и воздух напоен ароматами Яблочного Спаса. Крестьяне свозят в столицу урожай, уродились богатые хлеба, жизнь кажется щедрой и сытной, а думать о росте преступности нет ни малейшего желания. Хотя и надо бы... По некоторым сведениям, в Лукошкине сейчас участились случаи мошенничества и тайного грабежа. Ходят слухи о карточных притонах, и неоднократно в отделение зааживали смущенные мужики с просьбой вернуть пропавшие деньги. Пили, дескать, грешным делом, да не вспомнят, где и с кем. В себя приходили на каком-нибудь пустыре, в бурьяне, естественно, без гроша. А некоторые так вообще в одних подштанниках... Ругаешь их, дураков, но и воров тоже ловить надо. Не нравится мне эта мафия шоу-бизнеса местного разлива, пора браться за них всерьез...

Митька, сидя на передке, что-то бубнил себе под нос. То ли ругался, то ли азбуку филимоновски повторял, что, впрочем, почти одно и то же... Сам был с утра необыкновенно задумчив и молчалив, наверняка разрабатывал в голове план очередной облавы на тетку Матрену. У каждого из нас есть свой пункт. У Митьки это вечная борьба за качество и количество кислой капусты. Он ее ведрами может есть, без перерыва, с таким номером впору в цирке выступать, куда слабонервных не пускают. А насчет частушечных намеков Бабы Яги... я же всерьез и не спорю. Жениться человеку, разумеется, надо, и у меня даже были определенные подвижки по этому поводу. Ну, приглянулась слегка одна фройляйн с немецкого подворья. Я там поинтересовался деликатно у посла – фигу, девица еще с пятилетнего возраста помолвлена с сыном кайзеровского портного. Что-либо менять поздно, у них, у католиков, с этим делом строго, да и сама девушка, оказывается, по-русски – ни бельмеса. Почти как я в немецком... Вот такие дела. Ладно, женитьба – не волк, поймашь – не укусит. В Лукошкине тоже красавицы одна к одной. Ну, хоть вон вроде той смуглой девчоночки у кожевенной лавки. Я невольно повернул голову и засмотрелся... Девушка действительно выгодно отличалась от статных городских барышень. Явно деревенская, и по костюму видно, и держится не очень уверенно. Коса черная как смоль, а кожа загорелая, словно после солярия. Глаза большие, то ли карие, то ли темно-синие, отсюда не видать. Ростом выше среднего и сложена так, что даже под мешковатым сарафаном фигурка чувствуется... Словно бы заметив мой взгляд, девушка обернулась, зыркнула на меня своими выразительными глазищами и скрылась в лавке. Ну вот... сами видите, невест полно, не пропаду я здесь, не переживайте.

На аудиенцию к Гороху я пошел один. Митька рвался вслед, ему тоже любопытно, но пришлось остаться при телеге внизу. Дьяк Филимон словно ждал меня в засаде, набросившись с приветствием еще с первого этажа:

– А и доброго здоровьичка, Никита Иванович! И вам, и бабуленьке Яге, и Митеньке вашему, и всей честной милиции! Давненько к нам не заходили... Я и беспокоиться начал, уж не заболел ли, часом, наш сыскной воевода? Даже свечку хотел в храме поставить...

– За упокой?

– Во здравие! Зачем же так страшно шутишь, участковый... – широко разулыбался скандальный дьяк. Когда у него во все лицо такая похабная ухмылочка – жди беды! Не мое наблюдение – народная примета. – А я вот грамотку подготовил тебе, уж рассмотри по прибытии.

– Очередной донос? – В последнее время дьяк всерьез вообразил себя единственным борцом за справедливость и закладывал всех подряд.

– Донос и есть! А как же без доносу? Ты ведь, участковый, не взыщи, но не семи пядей во лбу! Глаз на затылке не имеешь, руки всего две, штат махонький и без еремеевской сотни вообще – тьфу! – не стоишь ничего. Где ж тебе за всеми злоумышленниками уследить?! Вот на то мы и предназначены – бдить да докладывать! Ты рожу-то не криви, загляни в грамотку, там много чего интересного понаписано...

– Побьют ведь вас как-нибудь, Филимон Митрофанович...

– А и побьют, дак за правду и живота не жалко! – патетично объявил дьяк, ожидая похвалы, но мы уже пришли. Стрелецкий караул пропустил меня в царские палаты, а гражданина Груздеву дали от ворот поворот. Доброхотный фискал-энтузиаст попытался что-то напутственно добавить вслед, но не решился. Сволочной человечиска, цены б ему не было в тридцать седьмом...

Горох ждал меня в маленькой комнатке за тронным залом. Обычно этот кабинет предназначался для его переменных пассий, но сейчас на низеньком узорчатом столике лежали... чертежи! Ей-богу, настоящие, добротные чертежи, не слишком соответствующие ГОСТу, но тем не менее вполне рабочие.

– Заходи, Никита Иванович. Рад видеть тебя живым-здоровым.

– И вам мое почтение, надежа-государь. Чем это вы тут развлекаетесь? Решили со скуки научно-техническую революцию устроить?

– Вот я те устрою! – шутливо буркнул Горох и ткнул пальцами в пересечение черных линий. – Ты ведь, участковый, у нас мужик образованный, вот глянь своим оперативным оком – дельная вещь али нет?

Я с некоторым снисхождением пустился перебирать желтоватые листы бумаги и... ахнул! Это были чертежи летательного аппарата! Наверное, удивление было так ясно написано на моем лице, что царь довольно расхохотался:

– Что, укузьмили сиза селезня за мягкое гузнышко?! Ты уж, Никита Иванович, совсем нас за людей темных держишь. Ан вон какую штуковину мои мастера впятером удумали – летучий корабль! Чтоб, значит, по поднебесью аки птаха божия парить! Смотри сюда, вот корпус ладейный, вот крылья, парус опять же, оперение хвостовое, чтоб рулить сподручней было...

– Не полетит, – справившись с собой, авторитетно заявил я.

– Да почему же не полетит?

– По законам гравитации. Тут мотор мощный нужен, дизельное топливо, специальные приборы, совершенно другая конструкция и еще...

– Цыц! Я – царь, дай и мне слово вставить. Теперича вот сюда полюбуйся.

Государь достал из-под стола миниатюрную модель того же самого летающего фрегата и, показав мне, нажал на какой-то шпенек. Махонькие крылышки вздрогнули, затрепетали, рулевое перо выгнулось дугой, крылья замелькали с невероятной скоростью, и вдруг крохотное суденышко поднялось в воздух, сделало плавный круг над нашими головами и село точно

на то же место, откуда только что взлетело! Если бы я не видел этого собственными глазами, то... Горох победно усмехнулся в усы, достал из шкафчика глиняную бутылочку и два стаканчика.

– Отметим такое дело?

– За рождение первой лукошкинской авиалинии! – прокашлялся я, крыть было нечем.

Сколько ни пытаюсь привыкнуть к чудесам, все равно есть вещи за порогом моего прагматического разумения. Мы проболтали не меньше часа, царю хотелось знать все о воздушном флоте, и я охотно рассказывал, что помнил о дельтапланах, планерах, дирижаблях, «кукурузниках», пассажирских лайнерах, истребителях и бомбардировщиках. Горох слушал очень внимательно, хотя, по его же признанию, намеревался использовать проект скорее в торговых, чем в военных целях. Однако не учитывать данный фактор было бы глупо – на летающем корабле вполне можно разместить десяток стрелков, дюжину отчаянных рубак, бочонки с зажигательной смесью и даже пушки. На прощание я посоветовал сунуть чертежи под хороший замок и к мастерам приставить охрану.

– Правильно, – кивнул государь, – другого совета от тебя и не ждал. Беру это дело под свою личную опеку. Все бумаги в сундук, сундук на замок и в место тайное, а ключ я вон на шее рядом с крестом православным ношу.

На том и расстались... Представьте себе мое удивление, когда через два дня Горох собственной персоной, весь в поту и в мыле, ввалился к нам в отделение. Чертежи летучего корабля – похитили! Царь скор на расправу и в этом деле почему-то быстро вывел виноватого – меня...

– Никитка, ограбили меня! Из самого терема царского, из ларца потаенного, из места скрытного чертежи секретные ровно дым по ветру развеялись! – бушевал государь, топая ногами. В сенях толпились ближние бояре, у печки тихо прижупилась Баба Яга, храбрый Митяй залег под лавку, казалось, от грозового монаршего гнева попрятались даже тараканы. – Да что ж ты тут сидишь, дурилка милицейская?! Али не царь-государь перед тобой голос повышать изволит? За что я тебе, казны растратчику, жалованье плачу?!

– За поиск и поимку, но никак не за отсутствие краж вообще. Кражи, как таковые, были и будут, но если бы прислушивались к моим советам, то всерьез могли бы снизить их количество. И вообще, прекратите орать, гражданин! – Я привстал из-за стола и шагнул к обомлевшему Гороху. – Митя, подай государю табуреточку, бабушка, будьте добры, чего-нибудь успокоительного, и Еремеева ко мне.

Пока наш младший сотрудник на пару с главным экспертом приводили в чувство пришибленного царя, я высунулся в окно, предупредив начальника стрелецкой сотни о срочном перекрытии всех выходов из города. Фома Еремеев – мужик деятельный, не первый день на милицейской службе и лишних вопросов не задает. Если похитители еще не покинули Лукошкино, то через полчаса отсюда и мышь не выбежит.

– А теперь поговорим спокойно: что украли, где, кто обнаружил, кто имел доступ к ключам, кого подозреваете? Говорите не торопясь, я записываю.

– Твоя взяла, участковый... – Горох хряпнул особую настойку валерианы на мед и снизил тон. – Ну как ты себя ведешь? Ведь ровным счетом никакого уважения к сословию... Обращаешься, словно я тут горожанин обыкновенный, а я ить – царь! Как найдешь чертежи, запишешь тебя на каторгу.

– Вот спасибо, – поморщился я. – Служба есть служба, так что давайте без личных обид. Повторяю вопрос: что пропало?

– Чертежи...

– Конкретнее: какие, сколько, формат бумаги, примерный объем и вес?

– Летучего корабля, десять листов, квадраты по полусажени, в рулон свернуты, один человек легко унесет.

– Ну вот... совсем другое дело, – похвалил я. – Продолжим. Где они лежали?

– Да в сундучке же, а место говорить не буду, придешь ко мне в терем – там покажу.

– Кто обнаружил кражу?

– Я и обнаружил. Ткнулся сегодня поутру, а в сундучке-то и пусто.

– Знакомая ситуация... Вроде как в деле о перстне с хризопразом. Может, опять шамаханцы шалят?

– Наверяд ли... Перстень, вот он, при себе ношу, покуда оборотней проклятых не указывал.

– Ладно, перейдем к более важному... Кого подозреваете?

– Дык... никого... вроде, – призадумался царь. – Народу в тереме случайного нет, чужаки по палатам не шастают, послов да гостей тоже вроде не было...

– Давайте поставим вопрос иначе: кому это выгодно?

Вот тут Горох крепко почесал в затылке... Как я уже упоминал, человек он прогрессивный и далеко не глупый, сложить два и два сумеет без посторонней помощи и по пустякам паниковать не станет.

– Знашь, Никита Иванович, а ведь сразу, с маху не ответишь тебе... Ну, прикидываю и так и эдак – да не выгодно никому! Корабль-то этот – штука мудрая, техническая, не всякому злодею по разумению будет. Шамаханцы, те более всего на чародейство черное надеются. Немцы, наоборот, наш ум своему равным не считают, для них наша техника – ровно забавка детская... Кто же еще?

– Японцы... – раздумчиво предположил я. – Они со всего мира передовые технологии ташут. Радиоэлектроника, компьютерная техника, роботроника у них на уровне самых высоких стандартов.

– Японцы, говоришь? – насупился Горох. – Слышать слышал, а вот видеть не доводилось, нет их у нас в Лукошкине.

– Жаль...

– А точно они чертежи свистнули?

– Нет, нет... это я так, к слову. Ну что же, гражданин, ваше заявление принято, с сегодняшнего дня начинаем работать по этому делу.

– А я?

– А вы, как говорится, идите домой да спать ложитесь – утро вечера мудренее. – Я пожал царю руку, недвусмысленно указывая на дверь.

– Эй-эй, участковый... так не пойдет! – заволновался государь. – Ты это... того... ты меня от дела не отстраняй, я тоже в раскрытии поучаствовать желаю!

– Но, гражданин...

– Велю голову отрубить! – клятвенно пообещал Горох, глядя на меня самым умоляющим взглядом.

– Ладно, давайте как всегда. Рутинную работу мы берем на себя, а как понадобится брать преступника – я вас вызову.

– Вот спасибо, Никита Иванович! Вот уж уважил царя-батюшку! Вовек твоей доброты не забуду... – Уже в дверях Горох обернулся и напомнил: – Чтоб к вечеру был у меня с докладом о ходе дела!

– Всенепременно.

Когда царский эскорт с помпой укатил по улице, я отошел от окна и попросил у Яги чаю. Бабуля молча поставила самовар и не дыша присела за стол напротив. Я раскрыл блокнот, тупо разглядывая давние записи...

– Организованной преступности у нас в Лукошкине нет. Список наиболее известных воров примерно установлен. Если исключить карманников и конокрадов, то на подобное дело могли решиться человек десять. Бабушка, вы не слушаете!

– Че? Ой, не кричи так, Никитушка, – встряхнулась Баба Яга, – у меня аж сердце чуть не выскочило.

– Я говорю, что вы меня не слушаете. Вы же все время были здесь, почему молчите? Какое ваше мнение по поводу этой кражи?

– Ох, мила-а-ай... – Моя домохозяйка схватилась руками за голову, вытаращив глаза и покачиваясь из стороны в сторону. – Вгонишь ты меня в гроб на сто лет раньше времени... Кто ж тебя, аспида, учил так с царем разговаривать?! Ты ж на самого государя в голос орешь да кулаком по столу барабанишь... Совсем ума нет, что ли?

– Да будет вам... – даже смутился я. – Мы и не скандалили особенно... так, по делу.

– Дите! Чистое дите, не понимает, с кем говорит... А вот осерчает государь да как загонит все наше отделение к черту на кулички с глаз своих ясных, тогда попомнишь слова мои, грубиян ты невежественный! Да рази ж так надо посетителей принимать? Сюда люди идут с бедой, с горем, судьбой али лихими людьми обиженные, мы им помочь обязаны, а тут сам царь...

– Царь – тоже гражданин, – слабо огрызнулся я.

– Вот и то, что гражданин, а ты ему грубости в нос тычешь. Нехорошо, Никитушка... Ты ить при исполнении.

В общем, пришлось извиняться перед своим же сотрудником. После примиряющего чая было принято решение: в отделении не торчать, а до обеда прогуляться в царский терем. Стоило обследовать место преступления на предмет применения магии. Здесь это было делом самым обыкновенным... Баба Яга – незаменимый спец в таких исследованиях, на ее авторитет можно полагаться полностью. Двое еремеевских стрельцов оставались на охране у ворот, Митьки почему-то не было видно. Странно... Обычно он, при всей своей деятельности, без приказа – со двора ни ногой. Пожав плечами, мы с Ягой отправились к Гороху пешочком. Уже на соседней улице было отмечено массовое скопление народу. Лукошкинцы – люди социально активные, им хлеба не надо – зрелища подавай, а на Малой Базарной, похоже, именно такое зрелище и шло. Видимо, мы с Ягой подумали об одном и том же, поэтому молча, не сговариваясь, направились в ту же сторону. Уже на подходе было видно, какая пестрая толпа народу там собралась. Слышались смех, визг и громкие крики:

– Гляди, православные, как милиция честным людям руки за ноги крутит!

– Какие ж они люди, когда они – цыгане?! И не милиция энто, а Митька беспутный!

– Ой, ромалы-ы! Ой, убил! Совсем убил! Всю руку изломал, да где ж на свете белом справедливость?!

– А ты не суйся, не суйся... Митя наш – человек православный! Раз убивает, значит, есть за что. Ему небось сам участковый разрешил!

– Да, ох и крут порой наш сыскной воевода... По прошлом месяце-то едва ли не все армянское подворье извел! Так же вот Митьку свово, аки пса лютого, науськал... Те, кто выжил, по сей день от укусов чешутся!

– Ай, ромалы-ы! Совсем до смерти убил! Всю убил! Одна за всех муки принимаю! Одна, чавела, насквозь убитая лежу-у-у!

Когда мы пробрались в середину, бедного Митьки уже не было видно. Не знаю уж, чего он там натворил, но здоровенного парня со всех сторон так облепили беспрестанно вопящие цыганки, что он казался ярко наряженной новогодней елкой. Крикливые юбки резко контрастировали с коричневыми от крика лицами. Ругались одновременно все, причудливо мешая русский мат с диковинными проклятиями на неизвестных языках. Я протолкался к четверым дежурным стрельцам и приказал без разбирательств доставить всех в отделение. Молодцы надвинули шапки и взялись за непростое дело. А я обратился к народу:

– Граждане! Концерт окончен. Попрошу расходиться по домам. Не сомневайтесь, милиция во всем разберется и виновные будут наказаны! Желающих досмотреть представление до конца жду вечером у ворот отделения. Спасибо за внимание, на сегодня – все!

Как оказалось впоследствии, обещать такое нашему народу чревато... Ну, по крайней мере, неблагоприятно...

В царском тереме нас приняли настороженно. Видно, в запале Горох, как всегда, пообещал снести головы всем подряд. На самом деле он больше грозит, но все ему почему-то верят... Вот и сейчас: охранные стрельцы страшно хмурили брови, пытаясь выглядеть еще суровее, бледные бояре испуганно крестили окладистые бороды, суматошные дьяки носились взад-вперед с приказами, а прислуга и прочая челядь вообще старательно пряталась по углам. Весь терем жил в предвкушении извержения вулкана, и мы шли по лестнице вверх, сопровождаемые самыми сочувственными взглядами. У дверей в государевы покои нас встретил столбовой боярин Кашкин, я хорошо его знал, в деле о перстне с хризопразом он руководил разоружением шамаханского каравана.

– Здрав буди, сыскной воевода!

– И вам мое почтение... Что у дверей толчетесь, ждете кого?

– Тебя и жду. Одного только... – Боярин многозначительно поглядел на Бабу Ягу, та поджала губки и по-утиному засеменила к дальнему окошку. – Пусть уж там подождет, не след ее седую голову под топор ставить. А ты иди, государь о тебе уже два раза спрашивал. Гневается...

– А... Ну тогда я пошел.

– Погодь... дай хоть обниму тебя на прощание, хороший ты был человек, Никита Иванович! – Седобородый Кашкин смахнул выступившую слезу, по-отечески троекратно облобызав меня в обе щеки.

Царские стрельцы у входа сняли шапки и молча перекрестились. Да, обстановка тут и впрямь как на минном поле... Я снял фуражку, пригладил вихры и, отважно распахнув двери, шагнул внутрь. Это было похоже на отчаянный шаг дрессировщика в клетку изголодавшегося льва...

На небольшой кушеточке царь-государь в штанах и рубахе навывпуск вовсю обнимался с неизвестной мне особой женского пола. Завидев меня в форме и при исполнении, молодуха взвизгнула и, вырвавшись, с хохотом скрылась в смежном помещении. Судя по всему, там находилась спальня...

– Вежливые люди стучат, прежде чем войти, – попытался пристыдить меня красный от смущения Горох. Я возвел глаза к узорному потолку и философски присвистнул. – Ладно, проходи, садись, коли пришел. Могу рюмочку налить, вон полпряника на закуску осталось... Не хочешь?

– Нет.

– Ну и леший с тобой! Ему сам царь предлагает, а он рыло воротит. Доклад давай.

– Не торопите следствие, – наставительно поправил я. – Докладывать буду по мере продвижения дела, а у нас в нем пока сплошные дыры. Еремеева я предупредил, его молодцы прочесывают весь город и никого не выпускают за ворота. Но, скорее всего, вор залег на дно...

– Утоп, что ли, сердешный?

– Нет, это такое фигуральное выражение. Значит, хорошо спрятался и никак себя не проявляет. Так что нам придется проверить все известные «малины» и «хазы». Возможно, кто-нибудь из криминальной среды даст наводку. Такое преступление без соучастников бы не обошлось, а следовательно, информация где-нибудь да проявится.

– Дельно, – кивнул Горох.

– Но это лишь в том случае, если чертежи действительно куда-то запропали.

– Как это? Да ты на что ж это намекаешь-то, змий трехголовый?!

– На змия и намекаю! – я откровенно кивнул в сторону объемистого шкафчика, где Горох хранил свои «лечебные» настойки. – Чтобы начинать расследование уголовного дела, следователь должен лично убедиться в самом факте совершения преступления. А если вы тайное место перепутали? А если в сундук положить забыли? А если эти чертежи у вас вообще третий день под кроватью пылятся?

– Стража-а! – царь разобиженно взревел. – Сию же минуту казнить злодея за надсмехательство над государем!

Встревоженные стрельцы сунулись было в двери, но Горох вовремя передумал:

– Вон, охальники! Щас я ему, Фоме неверующему, нос-то утру, а уж потом и на плаху. Вон! Кому сказал?! Сам попозже позову... Никита?

– Да...

– Ну, че ты меня во гнев вгоняешь? Я же самодержец, мне по должности самодурствовать полагается. А ты искушаешь меня почему зря... Грех тебе!

– Виноват, исправлюсь. – Я встал со скамьи и потянулся. – Давайте не будем тратить времени, покажите-ка мне ваш сейф.

– Чего?!

– Сундук, – терпеливо поправился я.

Горох кивнул, отвел меня в красный угол, где под иконой Георгия Победоносца ярко горела праздничная лампадка, и попал босой пяткой на выступающий из половицы гвоздь. В полу беззвучно открылся люк, под моим наблюдением царь извлек оттуда средних размеров серебряный сундучок византийской работы и, нащарив под рубашкой ключ, в два поворота открыл замок. Внутри хранились секретные документы, договоры, грамоты, дипломатическая переписка и еще какие-то бумаги... Искомых чертежей на первый взгляд не было. В качестве демонстрации надежда-государь вывалил все содержимое на пол:

– Вот, сам гляди! Хоть все бумажки перерой, а такие нужных там нет.

– Проверим, – для порядку наклонился я, хотя профессиональное чутье подсказывало, что чертежей там действительно нет. Однако первым же документом, попавшимся мне на глаза, оказался... секретный план внутреннего устройства лукошкинских оборонительных башен! Договор с поляками о сдерживании германских амбиций, договор с немцами о строительстве крепостей против турок, договор с турками о неприменении вольнонаемных казачьих войск и, наконец, договор с теми же казаками о строгом ограничении аппетитов Речи Посполитой в приднепровских ничейных территориях. Как вы понимаете, это далеко не все. Не вдаваясь в дебри политики и личных писем, я тем не менее сделал важную пометочку в блокноте.

В этот момент в соседней комнате скрипнула кровать, Горох поймал мой вопросительный взгляд и нехотя буркнул:

– Ксюха это... девка дворовая, дочка дворника нашего. То ли третья, то ли пятая, он и сам не упомнит. Помогает тут в тереме, где со стола прибрать, где пол помыть, где мусор вынести...

– Ну и?

– Чего?

– Продолжайте, продолжайте, вы же прекрасно понимаете, что я имею в виду!

– Я понимаю? Ничего я не понимаю! – снова раскраснелся государь. – Ты, участковый, во все щели нос не суй, не ровен час, каблуком отдавят... Иди вон воров ловить, а моя личная жизнь тебе без надобности!

– Совершенно верно, – серьезно согласился я, – мои дела уголовные, так что полицию нравов изображать не буду. Но вот девица эта, Ксения...

– Ой, да будто я у ней всю фамилию выпытывал!

– Ладно, сам уточню у дворника... Так вот, она никогда не спрашивала вас о чертежах летучего корабля?

– Тыфу! Да типун тебе на язык, сыскной воевода! – Горох отобрал у меня сундук и начал лихорадочно запихивать туда высыпанные бумаги. – Ну нечто у меня совсем головы нет – бабе секретные документы под одеялом раскладывать! Ты все ж таки думай, что говоришь...

Уложив сундучок на место и возвратив полам первозданную целостность, государь суховато попрощался со мной, проводив до двери:

– Прощевай, сыскной воевода. Доклады жду каждый день, не исполнишь дела – сам понимаешь... Не наказать не смогу. Хотя и прежние заслуги помню, а тока я – царь, мне иначе нельзя! Либо чертежи на стол, либо валить тебе лес на каторге, выбирай...

– Мы постараемся... – ровно пообещал я.

Горох встал перед дверью, прислушался и поманил меня пальцем:

– Сейчас я орать начну, ногами топать, а как знак дам, так ты отсель без оглядки беги. Мне еще до вечера надо... ну, погневаться... чтоб не беспокоили.

Я кивнул, в принципе все возможное он мне показал, пара версий на уме есть, попробуем их разрабатывать. Вот только на предмет магии мы не...

– Убью! Запору!! Обезглавлю!!! Где тут сабля моя острая? Где копье долгомерное? Своими руками на куски изрублю и курам выброшу! И не моли меня о пощаде... Все! Все, участковый, пришла твоя смерть безвременна-а-я!!!

Я напряжился ногами и приготовился к низкому старту, Горох уже поднял руку вверх, и тут...

– Никитушка! Держись, милый, иду-у-у! – Двери вынесло вместе с бедными стрельцами. Грозная, как цунами, Баба Яга бодро шагнула в царские покои мне на выручку! Прыгнув вперед, я закрыл спиной обомлевшего государя... Глаза Яги отсвечивали красным.

– Бабуля, бабуля, все в порядке! Никаких проблем, мы мирно побеседовали.

– Да неужто? – недоверчиво сощурилась моя хозяйка. – Ты не врешь ли мне, Никита? Я ить сама, своими ушами слышала, как тебя здесь смерти лютой предают...

– Э... шутка! – выдавил царь Горох, осторожно высываясь из-за моей спины. – Чтой-то вы, бабушка, сегодня шуток не понимаете?

Переглянувшись, мы все облегченно выдохнули.

– Раз уж такое дело, давайте поставим дверь на место и все-таки просканируем сундучок на предмет использования магии. Возражений нет? Прошу эксперта пройти вот в этот угол... приступайте.

Домой было решено прогуляться пешочком. Горох предлагал карету и эскорт, но мы отказались. Кое-какие вопросы следовало обсудить на свежем воздухе, без лишних свидетелей, поэтому пошли мы не напрямик, а обходной дорожкой, вдоль речушки со странным названием Пучай. Я выкладывал свое мнение первым.

– Факт исчезновения чертежей приходится признать. Не уверен, что там имела место именно кража, царь все-таки мог их куда-нибудь засунуть и забыть, но пока давайте разработаем версию предполагаемой кражи. Итак, основной вопрос во всех подобных случаях: зачем?

– Да мало ли... – вздохнула Яга. – Может, какому жулю в небе полетать захотелось?

– Обычный вор найдет, что взять из царского терема и кроме чертежей. Не доросли у вас тут еще, чтобы ценную техническую информацию воровать. Тогда встает вопрос о возможном заказчике...

– Так ведь, Никитушка, царь же говорил вроде, что не выгодно это никому.

– Это по его мнению – невыгодно, а кое-кто считает иначе. И кое-кому эти чертежи нужны просто до зарезу. Я мельком поглядел, что лежит в гороховском тайнике, там та-а-кие секретные документы... Да разведки всех соседних держав заплатили бы сумасшедшие деньги за возможность их перефотографировать! Но ничего из этого не пропало... Вора, если он, конечно, есть, интересовали исключительно чертежи летучего корабля. А что показала экспертиза?

– Обнюхала я все, что могла... – по-простому объяснила бабка. – Колдовства черного не было. Видать, так, по-простому взяли. Замочек без всяких заклинаний, ключом открыли, но кража все ж таки была! Запах от сундучка шел... женский.

– А, ну это не доказательство. Там, как в доме свиданий, все этими ароматами пропахло.

– Не то, Никитушка, – досадливо поморщилась Яга. – Уж чем там царь-государь занимается – его забота, и не нам о том судить. Но запах был... чужой какой-то, не наш, не лукошкинский.

– Хм... отрабатывать версии о всех девицах Гороха будет очень непросто, – призадумался я.

– Так всех и не надо, нам тока бы за последние две неделечки порасспросить.

– Хорошо, бросим на это дело Митьку, его девки любят, он у них за семечками все и разведает.

– А мы с тобой чем руки займем?

– А мы попробуем выяснить, какие из иностранных посольств в стенах столицы ведут сейчас самую активную деятельность и не связаны ли они каким-то образом с представителями местного криминального мира...

– Думаешь средь послов заморских заказчика тайного отыскать?

– По крайней мере, стоит попробовать. Что мы теряем?

Баба Яга согласно кивнула. Терять нам пока действительно нечего. Это в прошлый раз нам даже опомниться не дали, устраивая одно покушение за другим. А сейчас мы мирно гуляли вдоль реки, наслаждаясь последними теплыми денечками. Дело о краже чертежей начиналось как-то лениво и буднично, казалось, что и само расследование соответственно будет спокойным и неторопливым, без особенных эксцессов... Ну все почти так и было, почти...

Крики, песни, смех и музыку мы слышали задолго до того, как свернули к отделению. У наших ворот толпилась куча народу, многие висели на заборе, и все шумно обсуждали все, что происходило внутри. А там, судя по всему, стоял дым коромыслом!

– Че вытворяют, че вытворяют-то, а?! Вот гульба так гульба-а... Отродясь такой срамоты не видели!

– Бабоньки, а моего там не видать? Как ушел с утра за поллитрой в честь крещения, так до сих пор и нет кровопийцы...

– Ох и лихо цыгане пляшут! Бедовый народ! А бабы ихние как юбками трясут, ажно все поджилочки ходуном ходют... А вон, вон одна плечи заголяет!

– Постыдился бы, дедуля! В твой-то годы на заборе сидеть...

– Бабоньки, а моего-то там точно нет?! Он ить, супостат, как примет, так по цыганкам и шарит. Говорит, песни про любовь у них дюже жалостливые... Ну, он придет, я ему сама спою!

– Глянь, православные, как стрельцы пошли... От ить головушки забубенные, и споют, и спляшут, и службу милицейскую справить не постесняются!

– А в центре-то кто?! В бабьем сарафане, сам с каланчу, частушки орет да лаптями грязными во все стороны шарит? Видать, деревенский... городские такую похабщину не поют... Ох и складно выводит, стервец, аж сердце радуется!

Пока мы с Бабой Ягой деликатно проталкивались к воротам, меня догнал сумрачный Еремеев. Видимо, слухи о несанкционированной дискотеке на территории милицейского отделения распространились по городу быстро.

– А куда ж это сыскной воевода спешит?

– Ругаться, видать, что без него начали! Наш Никита Иванович – человек строгий, но справедливый. Вот глянь, щас все песни кончатся, одни крики пойдут, как он все отделение зараз пороть начнет!

– Бабоньки, так там моего-то не показалось? И не надо! Уж коли батюшка участковый всех самолично пороть станет, пусть и моего не обойдет. Все ему, борову ненасытному, наука! Вдругорядь будет и законную жену на гулянки брать...

Тут народ примолк, потому что мы вошли в калиточку. Нас ждали... Пьяный в никакую Митька, обряженный в девичий сарафан и кокошник набекрень, поклонившись до земли, сунул мне под нос тарелку с рюмкой водки и полуобкусанным соленым огурцом. Коварные цыганки поддержали спевшимся многоголосьем:

– Выпьем за Никиту! Никиту дорогого! Свет еще не видел хорошего такого-о! Пей до дна, пей до дна, пей до дна!!!

– Еремеев, – сквозь зубы процедил я, – цыган со двора в шею! Сотрудника Лобова – в вытрезвитель... тьфу!.. в смысле в поруб, пока не протрезвеет! Со стрельцами своими сам разберешься...

– Слушаюсь, Никита Иваныч, – глухо буркнул он, махнув рукой своему конвою. Экзекуция была короткой, но действенной. Ругающиеся цыганки вылетали за ворота как пестрые взьерошенные курицы. Между прочим, одну, особо шуструю, Яга поймала уже у нас на кухне. Нахалка пыталась присвоить бабкину шаль... Напрасно, с моей домохозяйкой такие шутки не проходят. Бабуля увеличила ей нос втрое, чтоб не совала куда не надо! Четверо стрельцов, дежуривших при нашем отделении, получили по загривку от командира сотни и были на неделю лишены хлебного довольствия. Народ с забора слезал неохотно, однако, расходясь, повторял, что «сыскной воевода свое слово держит». Черт меня побери, если я и в самом деле обещал им «продолжение концерта вечером», то в этом плане, конечно, не обманул. Из показаний тех служаек, что были потрезвее, раскрылась общая картина бессовестного преступления. Оказывается, стрельцы вместе с Митькой доставили с базара аж восемь цыганок. Как уж эти танцовщицы из «Ромэна» ухитрились протащить с собой спиртное – ума не приложу! Наверняка прятали в десятках своих юбок. Я давно подозревал, что у нас на рынках кто-то приторговывает крепчайшим самогоном, а теперь видел его в действии. Короче, после первых же глотков наши сотрудники сдали свои позиции, и пьяный разгул захлестнул все отделение. Держать цыганок здесь смысла не было – шуму не оберешься, а все вещественные доказательства выпиты. Осталось выяснить у Митьки, с чего он вообще к ним прицепился, но это уж когда проспится... Алкогольная зависимость – самая сильная его слабость (если так можно выразиться), но мы с ней боремся.

– Никитушка, иди к столу, – ласково позвала Яга. – Садись-ка да ешь. Вот пироги да расстегайчики, сметанка да грибочки жареные.

– Спасибо.

– Ты чтой-то задумчив весь? Али из-за шороху этого опечалился? Да брось, милай, и в голову не бери! Уж такой они народ, цыгане... Даже святого напоят и сплясать заставят! Тут им равных не сыскать...

– Нет, нет, все нормально, – улыбнулся я, налегая на пирог с капустой и яйцами. Мне почему-то вспомнилась та смуглая девушка с большими глазами. Еще показалось, будто я видел ее у наших ворот. Но говорить об этом Яге почему-то не хотелось. Бабуля меня очень любит, еще бросится искать незнакомку с тем, чтобы срочно засылать сватов. А я же не влюблен, так... просто девушка симпатичная...

Вечер выдался спокойный. Ну, не считая того, что какой-то забитый мужичонка бодал головой наши ворота, умоляя пустить его переночевать в поруб. Видимо, тот самый, которого активно разыскивала жена. Стрельцы его выперли без всяких скидок на мужскую солидарность. Здесь все-таки отделение милиции, а не приют для преследуемых мужей, сами разберутся... Разговор с нашим младшим сотрудником безоговорочно откладывался до утра, раньше он попросту не проспится. С другой стороны, дело не терпит, Горох дал самые сжатые

сроки и стоило хотя бы попробовать успеть. Я приказал стрельцам до ужина привести в отделение того самого царского дворника, с дочерью которого сейчас государь решает самые личные вопросы. Стрельцы кивнули и пошли. Баба Яга что-то раскладывала на картах, а я со скуки достал из планшетки грамотку, врученную мне дьяком Филимоном Груздевым. Как уже упоминалось, этот церковный чин думского приказа в последнее время крепко заболел «борьбой за правду-матушку». Отчасти в этом была и наша вина... В свое время мы с Ягой ради эксперимента подсыпали ему «вакцину истины» от Кощея Бессмертного, порошок оказался действенным, и счастливый дьяк с крыши собственного дома лепил народу всю правду в глаза! Много он тогда рассказал и про царя, и про ближайшее боярское окружение, и про... короче, всем досталось. Стрельцы упекли несчастного под замок, на следующий день выпустили. Гражданин Груздев до конца недели ходил тише воды, ниже травы, ожидая справедливого наказания за длинный язык... Потом понял, что казнить его пока не собираются, проникся бурным самонадеянием и теперь твердо стоял в самых первых рядах борцов за нравственность и социальную справедливость.

«Повариха государева мясо свиное из кухни крадет бесчестно! Себе под юбку целные окорока прячет, а стража и в ус не дуёт, думает – баба в теле... Конюх Агафон вчерась под вечер нетверез был. Не так, чтоб в стельку, но с кобылой целоваться лез. Слова ей говорил ласковые и ленты в гриву вплетал, а кобыла – государева, не след ей от всяких посторонних такие нескромные подарки принимать. А племянник хана Ямгурчей, что проездом у нас, целную кружку чернил ореховых задарма выпил. И не отравился же, стервец... Мне-то не жалко, а только вещь казенная, канцелярская. Это что ж будет, ежели все чернила начнут лакать да промокашками закусывать? Стрельцы Федот Балабанов с Васькой Рыковым на щелчки в карты дулись бессовестно! Оно бы и ничего, да у Федота после игры шишкарь синий во весь лоб, а он при царе у дверей служит, значит, государю прямая обида и посрамление... Девка дворовая, нескладная Ксюха, дочь дворникова, из Гороховых палат так и не вылазит, стерва бесстыжая! Срамотит царя нашего перед державами. Мало того, что сама лазит, так наемни еще и подругу с собой прихватила... Ведь загубят здоровье государя-батюшки, мыслимое ли дело – двух девок на одного мужика бросать?!»

Ну и так далее, в том же духе. У нас в отделении подобных доносов скопилось уже штук двенадцать. Если всем давать ход, по стране тюрем не хватит. Надо что-то придумать с этим делом, иначе он нас так и будет кляузами заваливать. Я скомкал листок и через всю кухню отправил в угол. Там у печки обычно спал бабкин кот, иногда ему нравится вспоминать детство и гонять по полу шуршащий комок бумаги...

– Никитушка, глянь в окно, вроде пришел кто?

– Стрельцы вернулись, – приподнявшись, оповестил я, – тащат за воротник какого-то забулдыгу интеллигентного вида. Судя по всему, это и есть наш искомый работник метлы.

– Ну, тогда ты сядь, так посолоннее будет. А подозреваемого я сама к тебе приглашу.

– Бабуль, он пока не подозреваемый, а так... возможный свидетель или хотя бы информатор. Не пугайте человека раньше времени...

Все зря, Яга уже выскочила в сени, на кого-то наорала, кого-то позвала, и царский дворник с поясным поклоном вошел в горницу. Был он низкоросл, на вид лет пятидесяти, одет скромно, но чисто, а лысой головой и клинообразной бородкой с усами так напоминал вождя мирового пролетариата, что я невольно привстал...

– Добрый вечер, господин участковый. Вызывали?

– И вам добрый вечер, вызывал, присаживайтесь. – Я указал на большую лавку по другую сторону стола. – А-а... простите, у вас в родственниках Ульянова-Ленина случайно не было?

– Никак нет, – чуть удивился он. – Сухарева мы, зовут Николаем, по батюшке Степанович. Вы, видимо, меня с кем-то спутали?

– Да, извините... В прошлом крупном деле у нас поименно были сплошные знаменитости. Но я отвлекся... Николай Степанович, давайте поговорим о вашей дочери.

– О Ксении?

– Как вы догадались?

– Ну, это несложно, – несколько виновато улыбнулся дворник. – После того интереса, который к ней проявляет наш государь, все вокруг только и говорят о Ксюше. Что вам угодно услышать?

– Все, но сжато.

– Ксения – моя четвертая дочь, после ее рождения наша матушка, царство ей небесное, заболела и покинула нас. Трех старшеньких я сумел выдать замуж, две с семьями живут в Лукошкине, одна переехала в село Куличное. Особенным воспитанием Ксюши я, признаться, не утруждался... Во-первых, работа занимает массу времени, а во-вторых, она, честно говоря, несколько... туповата. Замедленное умственное развитие, так сказать...

– Ага, следовательно, царь приблизил ее ко двору никак не за уровень интеллекта? – уточнил я.

– Увы, кому что дано... Девочка пошла сложением в мать, у покойницы была античная фигура, а это в большинстве случаев с лихвой компенсирует все прочие недостатки. Возможно, вы осуждаете меня как отца... я так спокойно обо всем говорю... Но, зная нашего государя, я, по крайней мере, могу быть уверен, что ее ожидает безбедное существование...

– Да вы философ! – присвистнул я, дворник мне явно нравился. – Сколько живу в Лукошкине и не подозревал, что встречу такого образованного человека. Где вы учились? Ведь не в церковно-приходской...

– Нет, в свое время закончил университет в Сорбонне. Имею звание бакалавра. Правда, без отличия, потому что прибыл вольнослушателем из дикой снежной России. Нас там почему-то недолюбливают. – Николай Степанович потерев бородку, в его глазах на мгновение блеснули образы далекой Франции. – Потом вернулся, женился, ну и как-то незаметно оброс бытом: дом, дети, постоянная борьба за кусок хлеба... Так скатился до дворника, в каковом положении и пребываю по сей день.

– М-м-да – типичная судьба всех питерских интеллигентов... Мы вернемся к этому позднее, – пообещал я, поймав укоризненный взгляд Яги. – Скажите, а насколько высоки понятия нравственных ценностей вашей дочери?

– Вы смеетесь? – не понял он.

– Нет, нет... и меньше всего хочу вас обидеть! Но мне надо знать, способна ли она, например, на кражу?

– Гражданин участковый, – гордо выпрямился образованный дворник, – моя дочь никогда не возьмет чужого! Слышите, никогда! Да, ее можно назвать любвеобильной, слабохарактерной дурочкой, но у Ксюши добрая душа и чистое сердце. Она скорее отдаст свое...

– Спасибо. Это все, что я хотел выяснить. – Я встал из-за стола и, прощаясь, протянул ладонь: – Очень рад был знакомству, буду посвободнее – охотно забегу поболтать на отвлеченные темы.

– Всегда счастлив видеть. – Рукопожатие Николая Степановича было коротким и крепким, мы расстались в самых дружеских отношениях.

Баба Яга, встав со своей скамеечки в углу, подошла к окошку и долго смотрела ему вслед.

– И почему так? Умный мужик, начитанный, знающий, а вон двор метет! А какой ни есть дурак, пень пнем, в кафтане боярском – в думе сидит, законы пишет... Где справедливость, Никитушка?!

– Не знаю... Какие-то вещи неизменны во все времена. Забивать себе голову не хочу, да и вам не советую. Все равно не в нашей компетенции, нам надо дело раскручивать... А версия о причастности девицы Ксении Сухаревой, похоже, так и осталась безосновательной?

– Так и есть, – кивнула бабка. – Не врал папенька ее, не умеет он врать. Всю правду говорил, а значит, и впрямь девка к воровству непричастная. Ну что, Никитушка, отправляйся-ка ты спать! Утро вечера мудренее...

Я рассеянно кивнул. Вроде бы все шло как надо, но почему-то казалось, что некая существенная деталь плавно ускользнула от моего внимания...

Утро началось с петуха... Я промахнулся. Больше говорить на эту тему не желаю, мне стыдно... После завтрака помятый Митька был извлечен из поруба и представлен товарищескому суду. Вообще-то судим мы его достаточно часто, парень кается, так что робкая надежда на выздоровление есть.

– Докладывай.

– Батюшка сыскной воевода... – Митька привычно бухнулся на колени. Я уже не возражал, в конце концов, он всегда так делает. – В чем виноват, в том и ответ держать буду. А уж вы с бабулей судите меня честно, ибо ежели опозорил я честь милицейскую, то нет мне прощения ни на земли, ни на небеси...

– Короче, пожалуйста, – попросил я.

– Короче? – призадумался он, а потом выдал: – Ну, тады моей вины тут нет, во всем действовал согласно вашим начальственным указаниям.

Мы с Ягой от такой наглости едва с лавки не свалились. А злостный нарушитель, пользуясь нашим молчанием, затараторил со страшной скоростью:

– Вот вы, Никита Иванович, все учили нестандартно подходить к решению сложной задачи, искать разные пути, используя неожиданные методы для раскрытия преступлений... Я и решил! Ну, в смысле, как цыган на улице увидел, так и решил... Вот, мол, он – нестандартный метод! Цыганки-то гадать да судьбу предсказывать знатные мастерицы... Что, ежели у них про цареву кражу-то и расспросить? Небось карты вора покажут! Догнал, спросил... Они сразу согласились. Позолоти ручку, говорят, и делу конец, враз все отыщется! Я ж при исполнении, слова милицейского нарушить не могу, позолотил... Ох они мне и рассказали! Такого пона-рассказывали, Никита Иванович, прям хоть писцов зови, до того складно да интересно будет! И про жизнь мою, и про работу, и про дом казенный, даму трефовую, короля червонного – все как есть правда! Но я ухо остро держал, все копейки спустил, пятак заветный отдал, а про кражу чертежную все ж таки повыспросил. Значит, лежат чертежи краденые у отца Кондрата за овином, под лопухом большим, как есть закопанные, вот!

– Под лопухом? – с нажимом переспросил я.

– Под ним, батюшка участковый! – уверенно подтвердил Митя, просто лучась от осознания значимости собственной правоты.

– Угу... а почему произошла безобразная сцена на базаре?

– На базаре-то? Ой, да кто ж их, баб глупых, разберет... Дуры они необразованные, вот и весь ответ! Бабуленька Ягуленька, не смотрите так, это я не про вас! Я же как все выслушал, попросил их вежливенько в отделение проследовать, дабы все их предсказания ясные в протокол занести и к делу подшить, а они наутек. Ну дуры, да?! Я одну поймал за руку, держу, прочих деликатно так зазываю... Они и налетели... всем табором!

– А скажи-ка нам, касатик, по чьей же вине тут вчера все отделение в пьянку-гулянку ударилось? – строго напомнила Яга.

– И тут мы безвинны! – уверенно парировал Митька. – Пока стрельцы цыганок энтих в ворота загоняли, у одной бутылочка зеленая откуль ни возмись вывалилась... Вас никого нет, значит, я – старшой! Пришлось взять расследование в свои руки. Обыскали всех, бутылок десять нашли... точнее не упомяну. Дай, думаю, проверю, какое зелье бесовское туда налито? Ведь, не ровен час, потравят народ. Попробовал. Всё... далее знать ничего не знаю. Судите...

Он получил два часа хозяйственно-исправительных работ по дому. Трудотерапия на него действует, а все внушения как об стенку горох... Вскоре пришел и начальник стрелецкой сотни

Фома Еремеев. Особых новостей не было, с утра царь приказал открыть городские ворота, но таможня работает так усердно, что вынести чертежи нет никакой возможности. А еще в городе появился маньяк.

– Настоящий маньяк? – не сразу поверил я.

– Да вроде тех, кто на голову прискорбием отличается, – кивнул Фома. – Вторую ночь дозоры на улицах убиенных кошек находят. Рубит им злодей головы да с собой уносит... тельца так в крови и валяются. Дело как бы и не уголовное, а все ж таки... странное.

– Еще бы! Нет, бабушка, вы слышали – у нас в Лукошкине появился собственный маньяк, убивающий кошек! Ох и диковин мир психических заболеваний и чудны проявления их!

– Фома Силыч, – задумчиво нахмурилась Яга, – а кошки те, они какой шерсти будут, не черной ли?

– Так ить... да пес их знает! Вот уж расспрошу ребят да скажу вам точно. Неужто и на такое дело милицию привлекать надо? Поймаем мы проказника этого...

Нарочный стрелец от царя прискакал еще до того, как Еремеев закончил с чаем.

– Собирайся, сыскной воевода, государь тебя пред очи свои ясные требует!

– Случилось что? К чему такая спешка? – ровно поинтересовался я.

Гонец глянул по сторонам, расхрабрился и сразу все выболтал:

– Бояре дюже шум подняли! Вся дума так и гудит, за покражу царскую да за авторитет русский беспокойство проявляют. Тебя, сыскной воевода, за халатность казни предать советуют...

– Это мелочи, но раз Горох ждет, поеду... – зевнул я. – Больше ничего?

– Ничего, гражданин участковый, вот только разве... дворник наш вчерашней ночью представился.

– Что-о?!

– Да помер, сердешный, упокой Господь его душу, – сочувственно подтвердил стрелец. – А ведь хороший человек был, языки разные знал, о Риме да Париже душевно так рассказывал... Ан призвал его Всевышний, за одну только ноченьку... Ксюха плачет! Ну и царь, понятно, еще больше на всех гневается... Ты уж поспедай, сыскной воевода.

– Митька! Седлай кобылу, мне к Гороху, по делу, срочно! – заорал я, высываясь в окно.

Яга озабоченно покачала головой и подала китель:

– Никитушка, я покуда тебя здесь подожду. Как приедешь, обскажи последовательно, чего там приключилось...

Пегая кобыла под седлом ждала меня у крыльца рядом с вороним жеребцом царского гонца. Стрельцы отворили ворота, и мы пустились в галоп. Боярские проблемы меня не волновали ни капельки, политика везде одинакова: как минимум – грязь, как максимум – кровь... Ничего они мне не сделают, не захочет Горох единственного специалиста по уголовному розыску терять. Наорет при всех, а наедине будет руку жать и пряники для примирения подсовывать... Но что могло случиться с дворником?! Он же ушел от нас вчера живым-здоровым-хоньким... Конечно, за ночь могло произойти все, что угодно: от инфаркта до несчастного случая. Но интуиция подсказывала не спешить с выводами...

До царского терема доскакали быстро. Я бросил поводья подбежавшим слугам, козырнул охране у ворот и решительно направился к центральному входу. Дьяк Филимон, прошмыгнувший мимо, не поздоровался, а, наоборот, попытался задеть локтем. Видимо, мое положение при дворе опять сильно пошатнулось. Невелика беда, у всех честных служащих вечные проблемы с начальством... Вот стрельцы хоть и при царе, а ребята порядочные, не отворачиваются и смотрят с пониманием. У входа в думу меня попросили обождать, государь разбирал разные дела. Вопрос о краже чертежей был оставлен напоследок как наиболее важный. Минут пять – десять пришлось потомиться у закрытых дверей, потом они распахнулись, и зычный голос объявил:

– Сыскной воевода Никита-ста Иванов, сын Ивашов!

Я поправил фуражку и шагнул вперед. Вообще-то в помещении головной убор обычно снимается, но в думе все бояре сидели в здоровенных медвежьих шапках, так что приходилось соответствовать традиции... Меня встретили гробовым молчанием и неприязненными взглядами. Горох, сидящий на троне в глубине зала, тоже был не в настроении. Я тихо выругался про себя и приготовился к очередному разному...

Государь поманил меня скипетром поближе и, сурово сдвинув брови, начал:

– Дума боярская знать желает, что во вверенном тебе милицейском отделении сделано, дабы покражу тайную отыскать?

– Хороша тайна... – буркнул я, обводя взглядом думское помещение. – Значит, все уже в курсе?

– Все, – важно подтвердил Горох. – О таких вещах важных, государственного значения, бояре в первую очередь оповещены должны быть, ибо на их плечах власть царская держится.

– Надеюсь, помалкивать они тоже умеют? – не подумав брякнул я. Вроде бы негромко, но все расслышали и взревели в голос так, что хоть уши затыкай:

– Да как он смеет, пес, сомнения выражать?!

– Боярское слово, аки стена каменная, – незыблемо, нерушимо и вечно!

– Казни, государь, сей же час пересмешника, ибо нам такое бесчестье не снести!

...Вот примерно в таком ключе все дружно повысказывались. Хорошо еще шапками не закидали и посохами резными бить не начали. А может, просто не успели, Горох пристукнул скипетром по подлокотнику, разом прекращая гвалт:

– Неразумны и торопливы слова твои, участковый. Впредь думай, что говоришь! А теперь отвечай по делу тайному, секретному. Ну и чтоб зря языком-то не молоть, говори все как... про козлика белого!

– Слушаюсь, – понятиливо кивнул я и, достав из планшетки блокнот, пустился перечислять: – Итак, после обследования места преступления можно с уверенностью сказать: белый козлик не пропал и не потерялся, а был украден. Причем украден прямо из сундучка, где, собственно, и пасся. Серый волк уволок козленка, воспользовавшись не отмычкой, а ключом. Где он его раздобыл, если единственный экземпляр висит на шее у пастуха? Вопрос без ответа... Никаких подозреваемых на роль серого волка следствию пока выдвинуть не удалось. Версия о принадлежности к делу некой прекрасной пастушки не выдержала проверки фактами. За пределы Лукошкина белого козленка не вывозили, за этим тщательно следит таможня и стрельцы Еремеева.

– А кому это надо? Кто таких козлов вообще ищет? – громко поинтересовались слева.

– Конкретных заказчиков кражи козлика пока не отмечено. Определенные подвижки есть, но в интересах следствия пока не раскрываются.

– Дык... надо ли тады его искать?! Мастера-то не пропали, чай?

– Мастера не пропали? – переспросил я у Гороха, тот отрицательно покачал головой. – Граждане, мастера на месте, но они тоже люди, могут заболеть, забыть что-нибудь важное... А белый козлик – штука тонкая, одна деталь не так шестеренкой ляжет – все, хорони всего козла вместе с экипажем... Так что искать его надо, нельзя допустить, чтобы подобное домашнее животное попало в чужие руки.

– Да не пугаешь ли ты нас, участковый? Неужто мы без какого-то там козленка всем врагам спину показывать будем?! Не бывать тому!

– Это эмоции... Научно-технический прогресс можно замедлить, но нельзя остановить. Я лично не хочу, чтобы через полгода, по весне, на Лукошкино свалилась мобильная эскадра белых козликов с боевым десантом на борту. Так шарахнут бомбами из-под козьего хвоста – мало не покажется!

– Тогда чего ж ты, лентяй, не ищешь?!

– Ищу! – возмутился я. – Прошло только два неполных дня! У меня все-таки милицейское отделение, а не цирк с фокусниками, я похищенных козликов из цилиндра не достаю... Как найду – сообщу!

– Не груби! – напомнил Горох. – Что скажете, бояре?

Высказывались долго. Общая суть сводилась к одному: «Гони ты его, государь, не будет добра от милиции, а покражу твою мы и сами уж как-нибудь отыщем! Зря, что ль, отцы и деды наши предкам твоим верой и правдой столько лет служили?! Ужо не оплошаем! Мудреное ли дело воров ловить? Боярство справится...»

– Быть по сему! – неожиданно для меня решил государь. – Ты, Никита Иванович, свое дело дальше продолжай, препятствий тебе чинить не буду. А вы, бояре мои верные, свое следствие ведите. Кто вперед мне козлика белого возвернет, тому и награда будет. Ну а ослушнику нерадивому – царский кнут!

На этом я покинул помещение боярской думы. Они там еще бушевали, совещались, решая, кому что поручить да кто где ищет, но меня это уже не касалось. Я спешил во двор, выпросив по дороге, где находится дворницкая. Оказалось, что прямо за теремом, небольшая пристройка. Сухаревы жили именно там. У дверей сидели на лавочке две старушки богомольного вида.

– Здравия желаю, гражданочки. Тело еще не выносили?

– Священника ждут, батюшка... – шербата улыбнулась одна, – да только ты туда не ходи, недоброе это дело на мертвеца смотреть.

– Дурной смертью он помер, батюшка, – в ответ на мой недоуменный взгляд подхватила другая. – Честных людей-то Господь к себе не так прибирает. Отравился он!

– Али повесился!

– Да ведь как есть потравленный лежит!

– И рожа-то синя-я-я, как у висельника!

– Так отравился или повесился? – строго переспросил я.

– Ну... дык... все ж едино, не своей смертью он помер, не Божьей волей преставился! – единодушно решили бабки, мгновенно прекращая спор.

Я поблагодарил и, пригнувшись, вошел в низенькие двери. Комната была крохотная, из всей мебели – стол, топчан да печка, даже лавок нет. На столе, по грудь прикрытый чистой мешковиной, лежал покойный, больше в помещении не было никого. Та-ак... на печи, судя по всему, обычно спала дочь, исключая те ночи, когда была занята у царя на уборке. Сам дворник наверняка спал на том же топчане у стола. В углу, под иконами, оказалась небольшая полочка, забитая потертыми книгами: Гомер, Публий, Петроний и кто-то еще из классиков. На подоконнике – герань и маленькая статуэтка Венеры Милосской. При поверхностном осмотре больше ничего не бросалось в глаза. За печкой обнаружился сундук с зимними вещами, чувствовалось, что Сухаревы живут небогато, но все чистое, заштопанное, аккуратно сложенное. К телу я подходил с непонятным чувством то ли скорби, то ли обиды... Бывает так: в кои веки встретишь приличного человека, пообщаешься и – нате вам... скоропостижная кончина. Николай Степанович лежал на столе уже вымытый и обряженный. Лицо у него было белое, осунувшееся, но очень благообразное. Тяжело вздохнув, я сдернул мешковину полностью и бегло осмотрел покойного. Никаких ран, порезов, синяков и следов удушья, но... какой-то неуловимый запах вился над усопшим. Я старательно принюхался, пытаюсь припомнить, как это делала Баба Яга. Что-то из пряностей или специй, но с каким-то горелым оттенком... Больше ничего сказать не могу, за дверями раздались голоса, и я торопливо накрыл тело дворника грубой тканью. В комнату вошла рослая девушка в черном платке и простом сарафане, глаза заплаканы, нос от слез покраснел и распух.

– Вы Ксения? Примите мои соболезнования... – Она промолчала, сев на топчан и уставясь недоуменно-тупым взглядом на тело отца. Я тактично прокашлялся и попробовал еще

раз: – Девушка, я из милиции, младший лейтенант Ивашов. Скажите, пожалуйста, от чего умер ваш батюшка?

Опять молчание, видимо, мои вопросы до нее не доходили. В принципе, я мог бы и ответить, действительно сейчас не лучшее время, но...

– Может быть, я могу чем-то помочь?

– Гроб привезли... – тихо протянула девушка, не меняя ни позы, ни направления взгляда.

Я не стал дожидаться, пока она обратит на меня внимание, и вышел вон. Прошелся к думскому приказу, изловил дьячка помоложе и отправил бегом в отделение. Пока тело не похоронили, мне требовалась помощь квалифицированного эксперта...

Ягу привез Митька. Выложив по-быстрому свои сомнения, я направил бабулю к безутешной гражданке Сухаревой с двойной целью: а) успокоить несчастную до степени вразумительных ответов дяде милиционеру, б) обследовать тело усопшего на предмет применения магии. Мы же с Дмитрием в ожидании протирали штаны на лавочке у забора. Сердобольные старушки попытались было оставить свой пост у входа в дворницкую и сунуться внутрь, но Яга их так отшила, что обе вылетели, крестясь и отплевываясь через левое плечо. Свежеструганный гроб так и стоял у дверей, небо хмурилось, все наводило на грустные мысли о бренности бытия. Наш младший сотрудник аккуратно лужгал семечки, складировав шелуху себе в карман, а я сознательно обрывал любые попытки проанализировать в уме сложившуюся ситуацию. Слишком мало фактов... Домысливать их самому – чревато, наверняка заведет не в ту степь. Из царского терема шумно вышли обычно чинные бояре, покрикивая на своих холопов, все рассаживались в телеги и брички, отправляясь по домам. Как они намерены вести следствие? Конкуренты, мать их...

Баба Яга появилась где-то через полчаса. Вышла усталая и замученная. Всю дорогу домой, до отделения, молчала, что-то прикидывая на пальцах. В таких случаях я ее не торопил. Бабуля наша свое дело знает, ей сначала нужно самой себе в голове стройную систему уложить, а уж потом она поделится информацией.

– Батюшка сыскной воевода, а мне-то что делать теперь? – спросил Дмитрий.

– Ну... даже не знаю, как сказать поделikatнее, – призадумался я, задержавшись в сенях. – Шел бы ты, Митя... к девкам!

– Куда?! – едва не взвыл он. В глазах счастливого парня вспыхнули огоньки нереализованных гормонов.

– Понимаешь, надо пройтись по дворовым девкам царя Гороха и остороженько выяснить, не общался ли кто из них с представителями зарубежных держав.

– У-у... – тут же скис Митька, – ежели повыспрашивать только... а государь-то не осерчает?

– Если по службе, конечно, нет. А если ты руки распускать начнешь – сам знаешь, у него расправа короткая.

– Понял, воевода-батюшка, а только мне в этом разе денег на служебные расходы надо...

– Какие еще расходы?

– Да вы ж наших девок лукошкинских не знаете! Кому семечек, кому орешков, а к какой без петушка на палочке и подступиться не моги! Задарма нипочем говорить не станут!

– Так ты их обаяй!

– Ага, а мне потом царь-государь за мое обаяние... три шкуры спустит! Пожалели бы сироту, Никита Иваныч, на такое дело без гроша отправляете...

Я безропотно достал из кармана мелочь и высыпал ему на лопатообразную ладонь что-то около рубля медью и серебром. Довольный вымогатель поклонился мне до земли и ретиво дунул назад, к царскому терему. Я же прошел в горницу к Яге, ожидая ее рассказа.

– Темное это дело, Никитушка... – Насупившаяся бабка без надобности вертела в руках деревянную ложку. – Прав ты был, не своею смертью дворник-то помер. Отравили его... И яд даже сильный был, здоровому мужику и пары крошек хватило...

– Цианид! – осенило меня. – Нас учили, у него такой характерный миндальный запах.

– Он и есть. По-простецкому «синюшной потравой» кличут... Редкий яд, заморский, его в Лукошкине днем с огнем не сыщешь.

Значит, дворника все-таки убрали. Отравление цианидом вызывает мгновенную остановку сердца, для местных знахарей смерть вполне «естественная». Ну, прихватило слева у человека, раз... и помер. Дело житейское, упокой, Господи, раба твоего... и т. д. Но в нашем раскладе – всё хуже некуда. Если человека убивают, то сразу встают два основных вопроса: кто и за что?

– Как вы полагаете, кто его отравил?

– Ох, Никитушка, грех мне, – поежилась Яга, – а только думаю: это из его домашних кто-то. Яд дворнику в чашке с чаем дали. Чашку ту опосля и вымыть-то не удосужились, обтерли да на свое место вернули. Ну дак я по запаху-то все одно нашла...

– Неужели Ксения?!

– Сама себе не верю... Мыслимое ли дело, чтоб кровная дочь отца родимого зельем злым травила, жизни лишала?!

– Но вы пробовали с ней говорить?

– Сам пробуй, а у меня нервы не казенные, – вновь насупилась бабка. – Прав был батюшка ее покойный: до коровы небось и то быстрее доходит, чем до дуры этой стоеросовой! Я к ней и так и эдак – она все одно: «Тятенька взаправду помер?» – и все что в лоб, что по лбу! Слушай, ну о чем с ней Горох разговаривает?

– Да уж вряд ли о классической литературе или последних открытиях в области кибернетики... – криво улыбнулся я. – А что у нас по этому делу на предмет магии?

– Была она...

– В каком смысле?

– Вот вроде бы есть... чую... а распознать не могу! – еще больше нахмурилась Яга. – Крутится там что-то такое в воздухе, какое-то чародейство черное, но суть его уловить не получается... Я уж, грешным делом, когда покойника-то осматривала, проверила на предмет пороссячьего хвостика... А ты нос-то не морщ! Али забыл, как нас шамахань по три раза на день вокруг пальца водили?!

– Ну и? – скептически сощурился я.

– Ну и нет его... хвоста. Покойник подлинный, ядом травленный, чем тебе не результат экспертизы?

– Хотелось бы большего... Ладно, давайте устроим обеденный перерыв, а потом опять за дела.

Баба Яга согласно кивнула и бодро взялась за самовар. Я внимательно сверился с записями у себя в блокноте, попытавшись еще раз представить, кому же мог помешать дворник. Наша беседа с Николаем Степановичем носила скорее добрососедский характер, и вряд ли он сболтнул что-то очень важное, чего я даже не заметил... Зачем его надо было убивать? Неужели только за то, что он был вызван в милицию? В том, что эта смерть крепко связана с похищением царских чертежей, я не сомневался ни капли. Видимо, дворника убрали без повода, а так, на всякий случай. Единственным мостиком от дворницкой к царским покоям могла быть только его дочь, Ксения Сухарева. Однако она сама, по словам очевидцев, особым умом не блещет. Вот разве что кто-то стоит за ней? Тогда дворника могли убрать просто потому, что он знал окружение дочери... Я пометил себе: первым делом выяснить круг знакомых и друзей Ксении Сухаревой.

Когда все было готово и стол накрыт, появился Еремеев. Яге он вроде бы нравился, хотя один раз ему пришлось арестовывать бабку и держать ее в порубе. Меж тем зла она не затаила и к обеду начальника стрелецкой сотни приглашала регулярно. После первого и второго, уже за чаем, Фома доложил последние новости:

– Вы тут, бабушка, насчет кошек зарубленных интересов имели... Так вот, не черные они. Ребята сказали: всяких мастей насмотрелись, а черных вроде и нет.

– Это хорошо или плохо? – уточнил я у Яги.

– Не знаю, не ведаю... – призадумалась она. – Только не по сердцу мне это, чую, не будет нам добра от маньяка энтото...

– Не волнуйтесь, бабушка, – важно кивнул Еремеев, – стрельцы мои дурня злодейского быстро изловят, уж тут вы с ним о кошках и побеседуете...

– А что там по поиску чертежей? – напомнил я.

– Ничего, сыскной воевода... Видать, воры знают, что мы на таможне ищем, вот и не лезут на рожон.

– Да, напомнил кстати, а кто из матерых «воров в законе» сейчас обретается у нас в Лукошкине?

– Смилуйся, Никита Иванович, да никого! Рази ежели б я его знал, так тут чаи распи-вал бы?! За воротник хватал бы преступника да к царю на правож!

– Жаль... я бы хотел побеседовать с наиболее крупными «авторитетами». Есть пара вопросов и нужда в оперативной информации.

– Ну так... ежели такое дело... – Фома почесал в затылке и предложил: – А ты в трактир дальний сходи, на Кобылинском тракте. От города две версты в сторону Подберезовки, там к лесу, у развилки, он и стоит. Слава про него идет самая дурная, а вот с обыском заявиться все как-то руки не доходят... Может, вместе и проведем?

После обеда Яга отправилась на базар, Еремеев вызвался проводить, они так и ушли вдвоем, увлеченно беседуя насчет таинственного маньяка. Я же этим делом решил пока не заниматься. На Руси кошек всегда любили, в большинстве известных мне стран тоже, так что, скорее всего, мы имеем дело не с маньяком, а просто с душевнобольным. Мне сразу были ясны намеки Яги насчет кошачьей масти – из черных кошек Кощей Бессмертный варит зелье наркотического воздействия для своих шамаханов. Однако, как помню, варит он их целиком, а не только головы. Да и самому Кощею в Лукошкино ход воспрещен, этот мафиози дико боится отца Кондрата. Не скажу, чтобы уж такой прогрессивный святой был, привлекали мы его и за пьянство, и за драку, но нечисть его попугивается, это точно. Я побродил туда-сюда по горнице, в одиночестве сгрыз пару яблок и вновь вернулся к вопросу о похищенных чертежах. Увы, ничего дельного на ум не шло... Все были при деле, один я не находил себе применения. Заняться было абсолютно нечем, хотя душа требовала работы. В конце концов я принял решение, не дожидаясь Митькиного прихода, собственноручно отправиться на царский двор и еще раз побеседовать с Ксенией Сухаревой. Пусть это невежливо, нетактично и вообще нехорошо, но...

– Батюшка сыскной воевода! – В комнату сунулся один из стрельцов, дежуривший у входа в отделение. – Девица тут пришла, вроде пропажа у нее, очень принять просит.

– Зови. Хоть какая-то работа.

Стрелец кивнул, через пару минут в горницу вошла черноволосая девушка в лапотках и новеньком сарафане. Я невольно охнул – та самая, что стояла у кожевенной лавки. Такие огромные выразительные глаза, увидев один раз, уже не забудешь...

– П...проходите, чем могу помочь?

– Колечко у меня пропало, мамино... – Ее голос был необыкновенно мягкий, грудной и какой-то обволакивающий. Хотелось просто слушать его тембр, даже не задумываясь над тем, что она говорит.

– Поподробнее, пожалуйста. – Я суетливо полез в планшетку за блокнотом, потом вытащил карандаш, уронил, опять достал из-под стола. – Вы... не обращайтесь внимания, присаживайтесь, говорите, я слушаю.

– Что говорить-то? – лучисто улыбнулась она, а мне почему-то захотелось, чтобы мои сотрудники подольше не возвращались.

– Давайте с самого начала. Как вас зовут?

– Олёна.

– А меня Никита... в смысле, Ивашов Никита Иванович, начальник лукошкинского городского отделения милиции.

– Да уж слышаны, – еще раз улыбнулась девушка, осторожно присев на краешек лавки. – Я сама-то из дальней деревни буду, а здесь у тетушки на воспитании нахожусь. Родители мои по весне померли, так тетя меня к себе и забрала. Я им с дядюшкой по хозяйству помогаю: в лавке убираюсь, с детишками ихними сижу, к работе домашней сизмальства приученная. А от матушки на память колечко было малое, красного золота с розовым камушком. Иногда только надевала в церковь сходить или на гулянья какие... Вот сегодня утром в храме свечи за упокой душ родительских ставила, обратно через базар возвращалась... прихожу в лавку, глядь – а на руке нет кольца...

– Ну, ну... не надо слез, гражданочка... – Ее глаза предательски заблестели, а я не знаю, как себя вести с плачущими женщинами. – Не волнуйтесь, мы обязательно найдем вора и вернем вам вашу собственность. На базаре, говорите? Я давно собирался навести там порядок. Вспомните, пожалуйста, у этого колечка были какие-то особые приметы?

– Нет вроде... ободок золотой, обычный, а вот камушек ровно в серединке цветка пятилепесткового лежит.

– Это уже примета. Так, записал... Значит, сегодня я направляюсь со стрельцами проверить некоторые особо криминальные места вроде Кобылинского тракта. Если что-нибудь найдем, где мне вас искать?

– Кожевенная лавка у Колокольной площади, недалеко здесь, – охотно пояснила она, вставая и поправляя сарафан. – Только дядя у меня очень уж строгий, вы в ворота не стучите, там рядышком встаньте – я сама выбегу.

– Еще удобнее, – сразу согласился я, перспектива встреч под присмотром бдительных родственников меня не грела ни грамма. Девушка по имени Олёна попрощалась и, улыбнувшись, ушла. Я прыгнул к окну, ревниво глядя, как дежурные стрельцы откровенно пялятся ей вслед, а потом с долгим вздохом растянулся на лавке. Царское дело подождет! На сегодня у милиции есть более важные проблемы... Мы как раз договорились с Фомой насчет визита в криминальный вертеп, прикрывающийся вывеской безобидного трактира и полный отпетого уголовного элемента, так почему бы не выяснить и насчет кольца? Если оно было похищено именно на базаре, а не где-нибудь в другом месте, то на «малине» должны об этом знать. М-м... девочка, кстати, очень приятная. Причем во всех отношениях... И на лицо, и на фигурку, и, судя по разговору, не дура набитая. Опять же повод есть познакомиться поближе... Надо срочно приложить все усилия к поиску этого мамино кольца! Не думаю, что оно доставит больше хлопот, чем царский перстень с хризопразом...

Баба Яга подошла минут через пятнадцать...

– Никитушка, чегой-то стрельцы у ворот мечтательные, ровно коты, сметаны объевшиеся? Охти... да ты и сам не в себе! Что тут такое приключилось?

– А? Где? Да ничего ровным счетом...

– Кто здесь был, Никитушка? Вроде девица какая... – Наш эксперт-криминалист так откровенно втянула ноздрями воздух, приняхиваясь к чему-то совершенно неуловимому, что мне стало неудобно...

– Был клиент. В смысле, потерпевший...

– Потерпевшая! – непреклонно давила Яга. – Девица! И не морочь мне, старой, голову!

– Господи, да никто вам ничего не морочит... – Надувшись, я сел на скамью и подробно разъяснил: – Приходила девушка, по делу, просила отыскать украденное кольцо. Мелкая золотая безделушка, с розовым камушком, наследство от покойной мамы. Я принял к сведению. Будем работать в «малине» – поинтересуюсь по ходу... Вот и все.

– Ох, сокол ты мой ясный... – Баба Яга присела рядышком, душевно обняв меня за плечи. – Ну наконец-то и ты среди девок лукошкинских хоть одну вниманием отметил. По делу, говоришь? Что ж, спервоначала, да для знакомства, и это сгодится. Девки, они героев любят. Отыщем мы ее колечко, не сумлевайся, уж я сама прослежу... Как хоть зовут зазнобушку?

– Она не...

– Хорошо, потерпевшую?

– Олёна, – тихо признался я.

– Олёнушка, стало быть... – Полуприкрыв глаза, Яга вдохновенно ударила в воспоминания: – Много их в свое время бегало по лесам да по долам за Иванами всякими. И ведь без разбору бегало – что за царевичами, что за дураками... Всякие попадались, только я их по доброте душевной да сродственности женской не ела никогда. Ни дур, ни умниц, ни красавиц... А ведь кое-кого стоило бы! Вот, на памяти моей, была одна... вроде девчущечка совсем, мачеха ее за огнем прислала. Я огня дала, жалко, что ль... Так эта мерзавка мелкая мне кота со двора сманила, ворота маслом облила, всю пряжу поперезапутала да еще и гребень волшебный с полотенцем стырила! Вот тебе и молодежь! Так что Олёнушки, они тоже... разные бывают...

Митю привели под вечер... Именно привели. Шестеро стрельцов из царской охраны, с пищалями на изготовку и зажженными фитилями. Старшой сдал мне его с рук на руки во дворе отделения и честно предупредил:

– Ты уж, сыскной воевода, посматривай... Не след энтому петуху в чужом курятнике хвост распускать. Государь сегодня занят дюже, но ежели завтра милашки его прежние порасскажут, чего и где им твой парень обеими руками понаобещал... У баб язык длинный, а расправа у царя короткая. Уж ты не взыщи, а нам вмешаться пришлось...

– Вообще-то наш сотрудник выполнял мое личное, секретное распоряжение, работая по данным уголовного розыска, – пояснил я, поддерживая честь мундира.

– Все одно, не одобрит государь, чтоб твой олух ко всем девкам дворовым под сарафан лез, да еще по твоему секретному распоряжению.

– Ко всем?! – не сразу уловил я, беспомощно ища взглядом Митьку, но он вовремя скрылся в комнатке у бабки.

– Как есть ко всем! – клятвенно заверил стрелец. – Даже нас поначалу зависть взяла... Ну, пощупал бы, и ладно, дело молодое, шаловливое... Но он же, охальник, по одной на сеновал в конюшню волочил, а зачем?! Тоже небось по данным уголовного розыска?..

Кончилось тем, что я принес извинения от лица всего отделения милиции. Потом пошел ловить Митьку. Он успел доложить Яге о выполненном задании, широким жестом отказаться от ужина и уже почти удрал спать, но я перехватил его в сенях. Долго мы с ним беседовать не собирались, но конкретные данные по делу хотелось получить сегодня же. Еремеев должен зайти после девяти вечера, я и Митьку планировал с собой взять, если, конечно, он не расскажет чего-то такого, что придется прятать его в порубе от законного царского гнева.

– Сначала доклад. Почему тебя привели стрельцы, расскажешь позже.

– Как прикажете, батюшка сыскной воевода... Ну, значит, сначала-то я на базар побег, гостинцев для девиц царских прикупить. И вот что я вам, дорогие сотрудники, доложу... Давненько мы там с ревизией не были! Орехи недокаленные, семечки сплошь пережаренные, петушки на палочке до того малы, что честному человеку и пары раз не лизнуть, а уж что тетка Матрена с капустой делае-е-ет...

– Ближе к делу, – вежливо напомнил я.

Митька обиделся, засопел, но сумел-таки овладеть собой, переходя к самому главному:

– На подворье царском девок да молодух разных много шастает. Я там у парней поспрошал, которые красавицы к царю поближе будут. Оказалось, что и окромя Ксюши дворниковой таковых прелестниц ажно пять штук обретаются. Есть даже две, каковые уж второй год подле спальни государевой трутся. Я так думаю, сие есть разврат и блудодейство! Так что пора их брать за энто дело...

– И думать забудь, – вставила свое слово Баба Яга, – вот женится царь наш батюшка, все вертихвостки, ровно вши, отпадут! А нам и без них хлопот хватает, дальше давай...

– Дальше-то? А... вот живут они меж собой дружно, волосья по бабьему делу дерут редко. И что касаето связей с заморскими посольствами, так замечены не были.

– Негусто... – поморщился я. Версия о причастности иностранных гостей тоже пока успешно проваливалась. – Слушай, ведь гражданка Сухарева на данный момент фаворитка у Гороха, как к этому относятся ее подруги?

– Дык... никак, – пожал плечами Митьяй. – Они-то все и не подруги ей вовсе. Марьяна – дьякова дочь, Танюха рыжая – стрелецкая, Варька – поварская, Танька черная – вообще внебрачная, боярская, а уж Любка – та государева сокольничего будет. Им с дворниковой дочкой общаться – срам один, да и... дурочка она...

– Совсем плохо, Никитушка, – в тон моим печальным мыслям вздохнула Яга, – завязли мы в этом деле, куда ни кинь, а подозреваемых нет.

– Ладно, можешь идти... – я было отпустил Митьку, но спохватился: – Эй, эй! Минуточку, ну-ка поясни теперь, за что к тебе стрельцы привязались?

– А-а... от скуки небось, воевода-батюшка! – недоуменно развел руками он, делая такие честные глаза, ну как у великомучеников на иконах. – Им-то, видать, при дворе совсем заняться нечем... Кричали, будто бы я девок энтих, уголовно подозрительных, силком на сеновал за конюшней волок. Брехня! Неправда бесстыжая! Рази ж я кого силой поволоку? Они сами с радостью шли...

– А вот срубят тебе Горох башку твою дремучую за такую радость – будешь знать! – погрозила пальчиком моя домохозяйка. – Предупреждали ведь... За каким лешим ты на сеновал с девками поперся?!

– Да поговорить же! Вот те крест, бабуленька, только разговору ради! На подворье-то люди кругом, стрельцы, слуги, гости разные, народу – не протолкнись! Где ж мне было еще втайне, да с глазу на глаз подробный допрос вести?

– Все последствия твоих допросов будут ясны уже завтра, а сейчас отдыхай – ночью идем на задание.

Митька просиял, забыл про сон и резко захотел отужинать. Со двора доносились голоса сменной стрелецкой стражи – видимо, Еремеев уже пришел. Надо поторапливаться...

– Ох, Никитушка, да надо ли тебе на ночь-то глядя по притонам разбойничьим шарить? Нешто Фома там один шороху не наведет? Или вон возьмите всю сотню разом да и накройте гнездо злодейское!

– Не получится, – вздохнул я, между делом пытаясь решить, брать с собой царскую саблю или не брать. – У них вполне законный бизнес, налоги в казну отчисляют регулярно, законопослушный имидж поддерживают, их и ухватить-то не за что. Нельзя прикрывать коммерческое заведение на основании одних только слухов и подозрений. Вот сегодня наши стрельцы

прочешут весь трактир, если что-то серьезное найдут – тогда да! Если же нет, я очень вежливо побеседую с хозяином, попытаюсь склонить к работе внештатным информатором.

– А ежели он, супостат, откажется?

– Замучаю финансовыми проверками... – В некоторых случаях мы позволяли себе расширять милицмейские права до полномочий налоговой инспекции и полиции нравов.

Баба Яга подумала и согласилась:

– Митьку с собой возьми, чую я, этой ноченькой он тебе понадобится.

– Возьму, непременно, только вы меня не ждите, ложитесь спать. Раньше полуночи мы все равно не освободимся...

Выезжали верхами. Фома Еремеев взял с собой шестерых проверенных бородачей да плюс еще мы двое – отряд получился вполне солидный. Саблю я, кстати, так и не захватил... Скакали легкой рысью, больше молча. Я пытался выстроить в уме логическую схему преступления, но все разваливалось на пустом месте. В деле кражи чертежей мы не сдвинулись ни на шаг, в деле убийства Николая Сухарева – тоже. Вообще-то именно такие, простенькие на первый взгляд дела и оказываются обычно самыми неразрешимыми. Никаких особых событий, никаких свидетелей, никаких подозреваемых, никаких улик, ни-че-го... Тихая, будничная рутина, засасывающая не хуже болота. Единственный положительный момент – это знакомство с Олёной. Очень приятная девушка, практически без изъянов... и кольцо тоже, кстати, потеряла. Потеряла или украли – сейчас без разницы... Главное, что доблестный младший лейтенант уже готов очертя голову броситься в самый бандитский притон, перевернуть там все вверх дном и вернуть племяннице владельца кожанной лавки золотое колечко ее мамы! Вот такой я герой... В лепешку расшибусь ради интересов следствия! И надо же было Гороху так не вовремя влезть со своими похищенными чертежами?!

Трактир или, правильное, постоялый двор действительно находился не очень далеко. Он стоял у развилки дорог, в одну сторону шел большой Кобылинский тракт, по нему купцы ездили в европейские страны. Другая дорога, поменьше, вела к Подберезовке, от нее – к Сморгчову, а там за лесом – к небольшому городку Емцу-на-Яузе. Довольно обширный двор был обнесен высоким тыном из добротных бревен, внутри – конюшня, два сарая, овин; само здание трактира представляло высокий двухэтажный терем. Светились узкие окна, слышались музыка и песни, а духмяный запах сивухи мы почувствовали еще за полверсты. Ворота открыл разбитый малый, кривой на один глаз. Показал, куда привязать лошадей, и с поклонами повел нашу группу внутрь. Митьку я оставил у коновязи. Во-первых, кони при нем сохраннее будут, а во-вторых, ему в трактире на дух появляться нельзя – напьется же, гад! Пусть постоит на ночном холодке, ему полезно... Но, видимо, кто-то из сердобольных стрельцов, пожалев парня, сунул ему тайком фляжку. Кто именно, так и не признались, хотя на следующий день я спрашивал! Для того, чтобы вынести нарушителю... благодарность.

– Добрый вечер, граждане. Кто здесь хозяин?

Наше появление было встречено самыми неодобрительными взглядами. Ресторанный зал, если так можно выразиться, занимал половину нижнего этажа. Три длинных стола с широкими лавками, нечто вроде барной стойки тут же за перегородкой и кухня с отчаянно чадающей печью. За столиками пьянствовала пестрая публика, человек двенадцать, может, больше. На вид – явные бомжи, разбойники и душегубы. Двое терзали залапанные балалайки, один без усталости орал похабные частушки, заткнувшись только под моим пристальным взглядом. Девочек заметно не было, во всем остальном – типичный притон, примерно как у нас в Москве, естественно, с поправкой на эпоху...

– Я, я – хозяин! – Из-за стойки неслышно выплыл скользкий мужик с необъятным пузом, редкой бородкой и масляными волосами, аккуратно расчесанными на пробор. Улыбка во всю ширь, а голубенькие глазки так и лучатся плохо скрываемой ненавистью. – Никак

сам батюшка сыскной воевода пожаловать изволили?! Прошу, прошу всех к столу, сейчас мы живенько все...

– Не надо, я по делу. Ваша фамилия, имя, отчество?

– А... Погановы мы, Селивестр Петрович. Только что ж...

– Не волнуйтесь, гражданин Поганов, – хладнокровно пояснил я, – проводится обычный милицейский рейд. У вас ведь тут ничего противозаконного не происходит? Тогда не потейте заранее, стрельцы осмотрят помещение, а мы с вами пока побеседуем.

– Ка...как прикажете, батюшка.

– Фома, проверьте всех здесь присутствующих, общите двор и все подсобки. Если что подозрительное, сразу докладывайте мне. Граждане, прошу всех сохранять спокойствие и не мешать работникам отделения! Ведь никто не хочет, чтобы у Селивестр Петровича были неприятности с законом?

Стрельцы споро взялись за дело, а мы с хозяином уселись в дальнем уголке. Трактирщик явно нервничал, и я не торопился облегчить ему жизнь, у негодя, несомненно, рыльце в пушку...

– Давно занимаетесь гостиничным бизнесом?

– А? Чего?! Не понял я...

– Я говорю, давно содержите постоялый двор?

– Давненько, уже годков двадцать содержу, – облегченно зачастил хозяин. – Дело-то нехитрое, но ить и небогатое. Все в казну государеву уходит, сам-то едва концы с концами свожу. Цены на все – эвон какие, а гостей да постояльцев – почитай и нет! Кручусь, с хлеба на квас перебиваючись...

– Знакомая песня, – подтвердил я. – А что у вас тут за контингент?

– За... кто?

– Что за люди, я спрашиваю?

– Ох, да разный народец... Бывает, купцы заглянут али служилый люд, крестьяне с соседних сел бывают, цыгане, богомольцы, кого только ни принесет нелегкая...

– Ну а что касемо уголовного элемента? Воры, разбойники, бандиты, убийцы...

– Да избави Господь! – не постеснялся дважды перекреститься гражданин Поганов. – Али уж на нас креста нет?! Мы лихих людишек стороной обходим, забором отгораживаемся, ни в каких таких связях не замечены...

– Селивестр Петрович, я ведь тут при исполнении, мне особо уши лапшой завешивать не стоит. Давайте поищем пути к разумному компромиссу, мне от вас понадобится...

– А вот это мы завсегда! – по-своему истолковывая мои слова, перебил трактирщик, извлекая из-за пазухи объемистый кошель.

– Уберите деньги, – ровно приказал я. – Увижу еще раз – получите срок за попытку подкупа должностного лица при исполнении им служебных обязанностей.

– Ви... вино... виноват, батюшка... не так расслышал...

– Мне от вас понадобится некоторая информация.

– Да уж не хочешь ли ты, ищейка милицейская, чтоб я у тебя на свою братву стукачом барабанил?! – мгновенно ощерился трактирщик, побагровев лицом.

Это тоже своеобразная роль, он наверняка продаст и маму родную, но хочет, чтобы поугаривали...

К столу неторопливо прошествовал Еремеев, бухнулся на скамью рядом, беспристрастно доложив:

– В конюшне два жеребца, чернилами перекрашенные. У гостей сегодняшних восемь ножей засапожных взяли, четыре кастета да два кистеня, а у одного так и пистоль самопальный. В овине подвал нашли, в нем рухлядишки всякой – на десятерых одеть достанет. А уж водка здешняя никак не царевых винокурен, тут же на кухоньке самопально гонят да по-воровски

продают. Наверху четыре комнаты пустые, постояльцев нет, но в одной с полов кровь замывали. Как ни верти, Никита Иванович, а местечко-то ох какое интересное...

– Ну что, гражданин Поганов, будем говорить? – Я оторвался от блокнота, аккуратно записав все, что выдал начальник стрелецкой сотни.

– Будем, – прошипел прижатый к стенке хозяин.

– Вот и отлично, а теперь скажите, вы слышали о недавней краже в царском тереме?

– Может, и слышал, да мало ли люди спьяну болтать будут.

– Поподробнее, пожалуйста.

– Ладно, участковый... Скажу, что ведаю, только спрос с меня малый, сам не был – не видал, за что купил – за то и продаю. Так вот, сидели у меня вчерась двое ночных работников из тех, что при солнышке спят, а при луне вольного хлеба ищут... И шел промеж них спор о воре диковинном! Ну, будто бы появился в столице знатный вор, такой смелости да ловкости, что на ходу подметки режет. И нет ему ни в чем равных! Так будто бы похвалялся тот вор самого царя обокрасть-обобрать до ниточки... Веришь – нет, а все золото-серебро из казны государевой повытаскать!

– Не самая лучшая сказка... – печально вздохнул я. – Если вы действительно в курсе дела, то знаете, что из царских апартаментов было похищено нечто иное.

– Да знаю... – небрежно почесал у себя в бороде хозяин трактира, – бумажонки какие-то пустяковые унесли. Только в нашем государстве их не купишь – не продашь, какая ж в том корысть?! А только крал их тот самый заезжий вор!

– Гастролер, значит... Откуда такая уверенность?

– Дак... рабочнички те же с ним вместе работали, на стреме стояли. Свою долю честно получили да здесь у меня и тратили...

– Кто они? Имена, фамилии, адреса... – Я вновь взялся за блокнот.

– Не сердчай, сыскной воевода, – широко улыбнулся Селивестр Петрович, разводя руками, – что знал – сказал, а чего не знаю – уж не взыщи...

– Угу, – переглянулись мы с Еремеевым. – Фома, опечатавайте помещение, всех посетителей под замок, а гражданина Поганова в отделение до выяснения обстоятельств.

– Юрка Боров да Борька Свин, братья-они... – сквозь зубы процедил трактирщик, – живут в Лукошкине, на Колокольной площади.

– Большое спасибо.

– И тебе тем же подавиться, аспид милицейский...

Я удержал руку Еремеева, хотя дать мерзавцу по морде, несомненно, стоило. Однако полученные сведения с лихвой перекрывали мой моральный ущерб. А так как время явно пошло за полночь, стоило собираться домой.

– Селивестр Петрович, хочу поблагодарить вас за содействие органам и от души предупредить: следующая ревизия будет у вас в конце этого месяца. Если за оставшиеся пять-шесть дней вы не исправите обнаруженные нами недостатки – я попросту прикрою заведение. А теперь, пожалуйста, по кружечке кваса всем стрельцам, за мой счет, разумеется, и мы едем...

Хозяин, видимо, хотел достойно ответить, но, встретившись взглядом с начальником стрелецкой сотни, передумал:

– Настасья! Квасу для... дорогих гостей!

Из кухни, покачивая бедрами, выплыла грудастая рыжеватая красotka из разряда «ночных фей» привокзального уровня. Она несла жестяной поднос с колоннадой глиняных кружек, следом появился и запотевший деревянный жбан с квасом. Деваха ловко черпала его половничком, разливая по кружкам. Я даже как-то не сразу осознал, почему так пристально вглядываюсь в ловкие движения ее рук... На мизинце левой играло маленькое золотое кольцо с розовым камушком посередине!

Я автоматически отставил кружку, даже не успев отхлебнуть. Знойная Настасья проследила мой взгляд, удовлетворенно улыбнулась, повела полными плечами и, опустив ресницы, отправилась назад на кухню.

– Кто эта женщина?

– Настька-то? – ухмыльнулся хозяин. – Работает тут у меня, на все руки мастерица. Где прибраться, где сготовить, а где и постель гостям постелить... А ты что ж, и ее допрашивать будешь? Так я возражений чинить не стану... Твое дело милицейское, иди да спрашивай!

По его скабрешней улыбочке было ясно, о чем и как мне надо «допрашивать» эту гражданочку. Подлецы подобного рода всех меряют на свой аршин. Я спокойно встал и направился в кухню, вслед за золотым колечком.

Настасья, убедившись, что я «на крючке», прошествовала через все помещение мимо печи, чана с грязной посудой и корзины с продуктами к высокой лестнице на второй этаж. Пришлось еще и подниматься...

– Гражданочка!

Уже в коридоре у каких-то дверей она соизволила удивленно обернуться.

– Поклон вам, сыскной воевода!.. А мне-то и невдомек, кто там позади топает... Надо чего?

– Надо, – кивнул я и показал пальцем: – Колечко красивое у вас, позвольте взглянуть поближе?

– Смотрите, не жалко... За погляд денег не возьму. – Она с самым царственным видом сунула свою руку буквально мне под нос.

Тонкий ободок, пятилепестковая ромашка с розовым самоцветом посередине, все сходилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.